

УДК 316.6:316.77:003:124.2

ОРГАНИЗАЦИЯ СМЫСЛА В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАЦИИ КАК ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ

Андриянова Татьяна Владимировна,
andriyanova.tv@gmail.com

Курский государственный университет,
Россия, 305004, г. Курск, ул. Радищева, 29

Андриянова Татьяна Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Курского государственного университета.

***Актуальность** определяется возможностью выработки основных подходов к использованию модели организации основных понятий в рамках теории координированного управления смыслом, рассматривающей коммуникацию как форму взаимодействия социальных субъектов. **Объектом** исследования выступает модель организации значений У. Пирса и В. Кронена. **Предмет** – организация ее содержания в контексте коммуникации как формы взаимодействия социальных субъектов. **Цель** – представление основного категориального аппарата теории координированного управления смыслом в зарубежных и отечественных источниках в целом и понятия «организация значений» в частности; выявление предпосылок построения иерархической модели организации смысла; соотнесение ее основных уровней с формами взаимодействия социальных субъектов. **Методология** основывается на коммуникативном подходе У. Пирса и В. Кронена и других американских авторов, а также семиосоциопсихологии Т.М. Дридге. **Выводы:** уровни содержания в модели иерархии служат эвристическим средством, акцентирующим внимание на формах взаимодействий социальных субъектов с точки зрения теории коммуникации, и являются попыткой интегрировать несколько существующих исследовательских направлений, описывающих основные понятия на разных уровнях абстракции.*

Ключевые слова: Теория координированного управления смыслом, организация смысла, коммуникация, взаимодействия социальных субъектов.

Степень научной разработанности темы исследования

Предложенная У. Пирсом и В. Кроненом во второй половине XX в. теория координированного управления смыслом (Coordinated Management of Meaning – CMM) предполагает рассмотрение индивидов с точки зрения средств и степени, в которой они координируют содержание своих действий. В данном исследовании мы хотели бы остановиться на термине «организация смысла» в контексте коммуникации как формы действия, требующей описания людей как социальных субъектов с точки зрения модели иерархии значений.

В отечественной науке сложилось несколько теоретико-методологических подходов к изучению теории координированного управления смыслом, в которых разработан свой категориальный аппарат и методы исследования. В работах О.Е. Ионовой указывается, что данная теория сформировалась под воздействием так называемого «лингвистического поворота», затронувшего весь контент научного знания и сделавшего язык коммуникации одним из центральных объектов научных теорий [1, с. 130–131]. Она отмечает явно выраженный конструктивистский характер координированного управления, имеющий свои истоки в концепциях П. Бергера, Т. Лукмана, Л. Витгенштейна, М. Фуко,

Л. Выготского, а также то влияние, которое оказал на него символический интеракционизм Дж. Мида и Г. Блумера. Интересующие нас в контексте данного исследования основные понятия определяются здесь как нечто объективно существующее в качестве отношений между фазами взаимодействий в процессе коммуникации, как фактор «приспособляемости» индивидов друг к другу в рамках социального процесса. В русле теории координированного управления смысл выступает не только как фиксируемое явление, но и как результат социальных практик межличностных и институциональных коммуникаций, оказывающий воздействие на социум в плане решения социальных проблем посредством улучшения качества таких коммуникаций. Повседневность свидетельствует о верности этого вывода в выражениях «мы должны говорить на одном языке», «необходимо найти общий язык» и т. д., т. е. поиск внутренней архитектуры культуры социального смысла остается актуальной задачей.

Отличную позицию от большинства американских исследователей коммуникации в рамках теории координированного управления смыслом представляет семиосоциопсихология Т.М. Дридзе, где нормы и образцы взаимодействия индивидов с элементами окружающей среды ими же самими и создаются в процессе коммуникации, реализуемой в текстовой деятельности, причем текст, а не язык выступает здесь единицей коммуникации [2]. По мнению Дридзе, успешная коммуникация может представать в виде «смыслового контакта», который «достигается лишь тогда, когда взаимная ситуационная идентификация партнеров по общению приводит к совмещению в их сознании «смыслов фокусов» («коммуникативных доминант» порожденного и интерпретируемого текста» [2, с. 232]. Как результат выступает концепция «диалога как смыслового контакта», содержащая идею взаимоориентированного режима, предполагающего обратную связь, и кардинально противоположная «информационному воздействию», предполагающему собственно внушение [2].

Размышляя в рамках вышеозначенного подхода о современных коммуникационных противостояниях, Т.З. Адамьянц пишет о новых информационных войнах, «смысловых» войнах, «поскольку в них информация – средство создания и распространения глобальных смыслов, ориентированных на качественные изменения в содержании и мотивации сознания миллионов людей» [3, с. 98], а само это понятие предстает здесь как виртуальный многоуровневый конструкт, выделяемый в любом информационном контенте [3, с. 99]. Исследователь вводит понятия «смысловые противостояния», «воздействия», показывая, что в современном мире приоритетной силой все больше оказывается содержание сознания индивидов, а многоуровневость и специфика внутренней организации понятийных конструктов усложняют процесс взаимодействия индивидов, привнося в него, например, техники манипулирования сознанием коммуникаторов [3, с. 100].

Авторская позиция в данном случае основывается на изучении теории координированного управления смыслом, ее истоков и перспектив, а также других смежных теорий коммуникаций в поле управления социальными процессами главным образом в социокультурном пространстве [4].

Предпосылки создания модели организации смысла

Возвращаясь к термину «организация значений» в контексте коммуникации как формы действия, требующей описания людей как социальных субъектов, отметим, что создатели теории координированного управления смыслом Пирс и Кронен описывали ее как достаточно сложную тему: «лучшие умы нашего вида заполнили пыльные полки в недрах библиотек научными трактатами о характеристиках человека с заметным отсут-

ствием успеха» [5, р. 124]. Столетия наблюдений и исследований человечества, «увеличение информации не привели к увеличению понимания: наоборот, чем больше мы знаем о человеке, тем более загадочным он кажется» [6, р. 97].

Несмотря на то, что общественные науки, по мнению Пирса и Кронена, не смогли сделать многое в этом вековом диалоге о состоянии человека, а Н. Колдер, в свою очередь, охарактеризовал создателей научных моделей человечества как «карикатуристов, создавших узколобые карикатуры, ни одна из которых не могла создавать великие цивилизации» [7, р. 9], в них были выстроены три концептуальные модели, которые в совокупности генерируют более удовлетворительное знание о состоянии индивида:

- коперниканская революция в философии науки создала основу для строгой антропоцентрической социальной теории, фокусируясь на акторах как на действующих лицах, а не на объектах событий как таковых;
- индивиды были описаны в терминах структур для обработки информации, что позволило выявить большой потенциал этих моделей;
- новая идея теории коммуникации обеспечила способ описать взаимные отношения между отдельными индивидами и более крупными социальными организациями.

Таким образом, в теории координированного управления смыслом индивиды существуют как сложные, многоуровневые системы, действующие по определенным правилам, которые трансформируют сенсорную осведомленность в информацию, а информацию – в действия в контексте окружающей среды.

Обращаясь непосредственно к организации смыслов, Пирс и Кронен отмечают, что в течение почти всего XX в. находчивые, плодотворные и хорошо финансируемые исследователи пытались развить науку о «чистом» поведении, не прибегая к менталистским конструкциям, и потерпели на этом поприще неудачу. Как показывал, например, З. Кох и ряд других авторов, между стимулами и реакциями индивида вмешивалось все больше и больше промежуточных переменных, что привело к постепенному отступлению от первоначальной позиции [8–10]. Некоторые из этих ученых описывали себя как «когнитивных бихевиористов», что означало окончательную «капитуляцию» некогнитивной программы.

Два направления таких исследований практически спонтанно продемонстрировали повсеместность и значимость смысла действий акторов. Так, исследования малых социальных ситуаций или групп с «нулевой историей» (созданных здесь и сейчас) помещали субъектов в ситуации, в которых у них не было подсказок о том, как они должны действовать. Самым значительным результатом этих иногда странных манипуляций было осознание того, что задача была невыполнимой: люди «приносили с собой» или придумывали «на ходу» когнитивные руководства к действию. Как сказал по этому поводу М. Орн, «люди создают смысл и порядок даже в полном их отсутствии» [11, р. 780].

Второе направление исследований обнаружило, что люди иногда очень изобретательны в разработке интерпретаций значений. В серии исследований Дж. Райта использовались так называемые «непредвиденные награды». Испытуемым давали задание: нажимать кнопки тогда, когда им будут представлены определенные виды стимулов, а свет перед ними будет мигать, если они будут работать правильно [12]. Манипуляция заключалась в том, что некоторые субъекты получали точную схему мигающих огней (т. е. свет зависел от того, правильно ли они работали или нет), а другие получали схему определенных заранее источников света, не зависящую от их поведения. Результаты показали, что субъекты в обеих группах разработали теории, которые объясняли, почему их поведение было правильным, и что теории субъектов в неконтролируемой ситуации были намного

более сложными, чем те, которые находились в условленной ситуации. В итоге, когда испытуемым из обеих групп было разрешено обсудить свои соответствующие теории, практически все согласились с тем, что более сложные теории группы с неконтролируемыми сигналами вознаграждений были, скорее всего, правильными.

Д. Дилейни осуществил прямой вызов поведенческому подходу в своей «теории гипотез» [13]. Он воспроизвел классическое исследование Дж. Гринспуна, которое показало, что после подкрепления существительных во множественном числе произнесением «и так далее» следовало увеличение числа существительных во множественном числе [14]. Дилейни показал, что испытуемые при этом выдвигали свои гипотезы о том, что происходит: те, кто проявил обусловленность, правильно понял экспериментальные манипуляции, а у тех, у кого не работала обусловленность, появились альтернативные гипотезы. В свою очередь, В. Брюэр интерпретировал это исследование как опровержение доказательств обусловленности у взрослых. Что еще более важно, отмечают Пирс и Кронен, он сделал когнитивные концепции доступными для исследователей и показал, что явная когнитивная ориентация является более перспективной, чем та, которая ограничивается наблюдениями за поведением.

Эти исследования подтверждают то, что сразу становится очевидным для туриста-международника или этнографа: люди редко имеют дело с реальностью как таковой. Они вкладывают социально значимое содержание в мельчайшие жесты (такие, например, как подмигивание), значимые ритуалы (война), утилитарные объекты (сковородки) и неконкретные символы (национальный флаг) так, чтобы это было понятно для того, кто воспринимает смысл этих объектов. Размышляя о тщательно разработанных в этом отношении правилах питания, А. Кёстлер сказал: «Мы можем только сделать вывод, что даже во время еды не только хлебом единым жив человек» [15, р. 73].

П. Фарб по этому поводу отметил, что показ в музеях таких культурных экспонатов, как например, эскимосский каяк, является обманом, потому что они лишены своей социальной реальности и представлены только как физическая вещь: «Физическое присутствие каяка в музее нельзя рассматривать как аналогию смысла существования каяка, потому что никто не может воспроизвести определенные аспекты его использования в музее. Они, не в меньшей степени являющиеся его частью, чем деревянные рамы и кожаный покров, включают в себя то, кому он принадлежит, кому разрешено кататься на нем, табу относительно его использования и так далее. Только когда эти и многие другие вещи станут известны, каждый сможет понять, что каяк действительно значит для эскимоса» [16, р. 43].

По Пирсу и Кронену, когнитивный подход, согласующийся с измененной философией естественных систем, описывает структуру обработки информации, а не содержание конкретных убеждений, и такая структурная модель кажется им «странно пустой» [5, р. 125] или, как написал В. Пауэрс, «результатом этого подхода является модель, почти лишенная специфического поведенческого содержания» [17, р. 30]. Исследователи полагали, что люди открыты для изменений в своей логике, а она «узаконивает» широкие массивы моделей поведения в различных ситуациях. В данном случае описание структуры обработки информации позволяет устранить неоднозначность некоторых терминов таких, например, как «природа» и «полномочия». Природа человека – это аппарат, с помощью которого он преобразует чувственный опыт в информацию, а информацию – в действие. Полномочия – это множество вещей, которые люди могут делать, пользуясь тем, что они находятся в их природе.

Пирс и Кронен отмечают, что множество доказательств свидетельствует об организации смысла людей и о том, что эта организация является системной, а не просто

механической совокупностью отдельных сущностей [5]. Если бы они были организованы механически, значение, придаваемое любому восприятию, оставалось бы постоянным, а значение целого было бы просто алгебраической суммой существенных признаков. Исследования восприятия человека показали, однако, что это не так: когда списками прилагательных, описывающих человека, манипулировали, изменяя одно прилагательное, было обнаружено, что это влияло на значение других-прилагательных. Дальнейшие доказательства взаимосвязи смыслов были получены из исследований методами психоанализа, тестов Роршаха, тематических апперцептивных тестов и социодрамы. Они продемонстрировали, что конкретные ситуации вызывали целые «замыкания» значений, относящихся к стимулу. Кроме того, понятия, используемые для приписывания содержания одной ситуации, могут отличаться от познания других.

Пирсу и его коллегам гораздо более необходимой представлялась концептуализация иерархически организованных смыслов, чем собственно спор о количестве или последовательности уровней. Целью здесь являлась попытка смоделировать процесс того, как люди обрабатывают информацию, а не описание истинного порядка: предполагалось, что сознание людей отличается количеством уровней абстракции, которые они используют, их последовательностью и степенью соответствия значений [5, p. 130]. Описывая эти различия, можно получить важную информацию о различных коммуникаторах, которые могут иметь отношение к различным формам коммуникации. Так появилась иерархическая модель организации значений действующих лиц, которая включает от четырех до семи уровней, хотя этот перечень не всегда одинаков [18].

Иерархическая модель организации смысла и ее основные уровни

Уровень 1. Содержание

Он представляет содержание как референтный когнитивный процесс, с помощью которого индивиды организуют и интерпретируют мир таким, каким он в конечном счете ими воспринимается. Как отмечал Дж. Келли, такое восприятие является «творческой способностью живого существа представлять окружающую среду, а не просто реагировать на нее» [19, 20]. Имеющиеся данные ясно показывают, что процесс восприятия является сложным, важную роль в нём играют характеристики воспринимающего организма. На этом этапе Пирс и Кронен основывают свои аргументы на общих утверждениях о структуре восприятия: «События сами по себе не могут объяснить опыт человека, поскольку промежуточный, фильтрующий, интерпретирующий процесс порождает только субстанцию опыта» [5, p. 131]. Дополнительная информация о характере этого процесса является полезной, но не имеет отношения к центральному аргументу исследователей.

Уровень 2. Речевые акты

Речевые акты – это то, что один человек делает по отношению к другому, говоря что-то [5]. Понятие речевых актов прослеживается в философии языка от Дж. Остина и Дж. Серла, где основное внимание уделяется тому, что в семиотике называется прагматикой (а не синтактикой или семантикой) дискурса. Ключ к пониманию речевых актов и того, почему они являются подходящей единицей для анализа, лежит в различии между речью как производством сообщений и (или) ее прагматическим пониманием. Поскольку у Пирса и Кронена люди выступают как центральная точка теории, они не рассматривают язык как существующее явление, требующее дополнительного объяснения (как это

делает Н. Хомски¹), или производство конкретных высказываний (как это делают аналитики взаимодействия). Речевые акты для них проявляются в общении людей независимо от того, говорят они на самом деле или нет, и интерпретируются как межличностный обмен смыслом: «Словарь речевых актов говорит сам за себя. Речевые акты включают такие вещи, как угроза, обещание, информирование, совет, оскорбление, комплимент...» [5, p. 132]. В нескольких исследованиях Кронен просил испытуемых кодировать расшифровки разговоров, обозначая речевой акт, предназначенный и понятный говорящему и собеседнику соответственно. И хотя он не пытался определить, была ли их маркировка правильной (что было бы неподходящим критерием), обнаружилось, что испытуемые легко справлялись с задачей маркировки таким образом, чтобы многое рассказать об их интерпретации происходящего.

Два различающихся типа значений (денотативное/референтное и коннотативное/реляционное) Пирс с соавторами также относят к категории «речевые акты», поскольку разница между ними не в том, что первое неразрывно связано с событиями или объектами во внешней реальности, а другое связано только с нечеткими значениями в «головах людей», как думали до этого. Скорее, локус значения как референтных, так и коннотативных высказываний находится внутри понятийных структур индивидов. Это говорит о том, что в «репертуаре» речевых актов есть некоторые, чья основная сила является референтной или коннотативной, а другие представляют собой их соединение: «Имеет больше пользы различать их как формы одного и того же явления, чем разделять их как различные типы сущностей» [5, p. 133].

Дискуссия о речевых актах Остина и Серла зачастую связана с правилами, что имеет важное значение для дальнейшего развития теории координированного управления смыслом: речевые акты не имеют отношения к критерию истины, а относятся, скорее, к условиям позитивного опыта и могут быть так оценены. Например, добросовестно выполненное обещание включает намерение и способность актора сделать то, что он обещал, но не его контроль над «временем, приливом и деяниями Божьими»: «Оценки, сделанные тем, кто просто пренебрег выполнением своих обещаний, отличаются от оценок того, кто не смог выполнить обещанное действие из-за града после торнадо, который заставил его самолет упасть в море, что вызвало затруднения во время операции и замедлило его восстановление после травм, полученных, когда его спасательный плот был сбит нефтяным танкером» [21, p. 152].

Уровень 3. Контракты

Пирс и Кронен выделяют в сфере межличностных контрактов четыре основные черты:

- границы, определяющие различия между «мы» и «они», которые могут характеризоваться терминами «включенность», «ширина», «проницаемость», «жесткость» и т. д.;
- репертуар, обозначающий множество событий, имеющих законные основания в рамках данного контракта;
- валентность как конфигурацию эффекта от данного контракта с точки зрения сравнения индивидов в определенных социальных отношениях в рамках «реального» и «альтернативного» контракта, которые воспринимаются ими как реально доступные;
- взаимодействие, описывающее в данном случае степень, в которой люди идентифицируют себя с элементами, входящими в систему.

¹ Американский лингвист, политический публицист, философ и теоретик Ноам Хомски – профессор лингвистики Массачусетского технологического института, автор классификации формальных языков, называемой «иерархией Хомского».

Уровень 4. Эпизоды

Характеризуя эпизоды взаимодействия, Дж. Гамперс отмечает, что это «коммуникативные процедуры, которые участники рассматривают как отдельные, целые, отделенные от других типов дискурса, характеризующиеся особыми правилами речи и невербального поведения и часто отличающиеся четко узнаваемыми последовательностями открытия или закрытия» [22, р. 17, 23]. Отличительной характеристикой эпизодов является включенный в них пространственный паттерн, а также абстрактное значение. Таким образом, конкретный речевой акт, воспринимаемый как часть эпизода, контекстуализируется не только иерархически, но и во времени. Смысл акта и вытекает из контекста предыдущих и влечет за собой последующие акты.

Поскольку эпизоды воспринимаются как единое целое, они, по крайней мере, потенциально, могут быть обозначены участвующими субъектами, хотя обычный язык в данном случае иногда может даже немного озадачивать. Пирс и Кронен отмечают, что привлечь внимание людей к эпизодическим значениям довольно легко. Например, они признают «разницу промежутков времени, связанных с «пью кофе с...» и «ужинаю с...»; различие обязательств, когда их спрашивают, что они делали прошлой ночью во время дружеской беседы или на допросе в зале суда» [5, р. 134]. Далее для конкретизации своих идей исследователи приводят один из методов, который люди используют для критики поведения других. Он состоит в том, чтобы маркировать эпизоды и различать в них обязанности для каждого, например «Какая я тебе мать?» или «Мне не нужно говорить Вам что делать!» или «Этот разговор является официальным, так что не сдерживайтесь, не врете, не выставляйте себя в выгодном свете!» [5]. В каждом случае понимание того, какой речевой акт уместен, связан как со смыслами более высокого уровня, так и с временным контекстом, особенно с ожидаемыми последующими действиями.

Прослеживая путь академического признания эпизодов, Пирс и Кронен указывают, что он включает несколько направлений исследований, по-видимому, независимых друг от друга. Одно из них – формальный анализ стратегического поведения, или «теория игр», где исследования «дилеммы заключенного» А. Такера показывают, что уровень доверия или подозрительности, который развивается, в большей степени зависит от моделей последовательной игры (и ожидаемых последовательностей), чем от результата какого-либо одного действия [5]. Здесь выделяется транзакционный анализ Э. Берна, основанный на предположении, что люди, играющие в игры, видят смысл поведения в любом данном моменте в зависимости от его расположения в определенной последовательности, предназначенной для достижения заранее определенного результата [19]. Признавая временные стратегии, отмечают Пирс и Кронен, исследователи поняли то, что каждый подросток знает из практики ухаживания: безобидные, на первый взгляд, действия (прикосновение, взгляд, улыбка) важны из-за их влияния на последующие действия.

Другое направление, которое включает анализ эпизодов, – это та форма описательной антропологии, социологии, социальной психологии и социолингвистики, которая имеет дело с людьми в различных культурах и контекстах. Возможно, самым ярким примером является этнография. Ее цель заключается, по мнению Р. Кисинга, в том, чтобы понять культуры, позволяя исследователю видеть мир «глазами туземца», и обнаружить «за богатством и изменчивостью инварианты, которые делают возможным общение – элементы и структуру культурных кодов. Представители одной культуры не могут полностью предсказать действия друг друга, но они редко сильно удивляют друг друга. В принципе, мы должны быть в состоянии соответствовать их ожиданиям» [20, р. 48]. Основной процедурой исследования здесь является компонентный анализ, с помощью которого, по мнению Пирса и Кронена, можно найти и описать эпизоды самоопределения

культуры. Например, исследования Ч. Фрэйка о субаноне² показывают, что физический акт потребления пищи имеет разные значения в зависимости от того, является ли это «едой» или «пиром»: «В субаноне всегда уместно спросить: «В чем причина этого праздника?». Спросить же «В чем причина этой еды?» несколько странно в обыденном контексте» [24, р. 472]. Праздники существуют, отмечает Фрэйк, для различных типов подношения богам, каждый из которых выполняет свою функцию в сложной системе обмена с высшими силами. Содержание действий, связанных с праздником, определяется не только иерархической идентификацией смысла, но также временными и последующими событиями (такими как болезнь или хороший урожай).

Социальный психолог М. Аргайл выполнил почти тот же анализ, что и в этнографии, используя в данном случае метафору игры. Социальное взаимодействие, утверждал он, состоит из множества игр, каждая из которых имеет свои собственные правила значения и действия и требует определенного набора социальных навыков для выполнения: «Если двое или более людей хотят играть в игру, они должны решить, что это за игра, и затем согласиться соблюдать правила. В противном случае возникает хаос» [25, р. 175; 26].

Третье направление, которое использует концепцию эпизода, – это разговорный анализ Р. Шэнка и Р. Ромметвейта. Здесь указывается на одну из наиболее часто отмечаемых особенностей устного дискурса, заключающуюся в том, что он, как правило, сильно сокращен и многое из него удалено: «Человеческое общение в значительной степени основано на том, что исключено из дискурса. Люди редко указывают все, о чем они намерены сообщить. Скорее, они указывают достаточно, чтобы привести слушателя к пониманию того, что имеется в виду. Они опускают все, что, по их мнению, слушатель может понять сам» [27, р. 167]. Некоторые исследовательские концепции пытаются объяснить процесс, с помощью которого люди предоставляют недостающие значения, ссылаясь на чисто ретроактивную специальную интерпретацию (Г. Гарфинкель), прибегая к универсальной логике общения (Х. Грайс) или анализируя социальные правила (Р. Ноффсингер). В интерпретации данных Пирса и Конклина: «Мы находим, что в большей степени согласуется с нашей теорией объяснение этого явления как сопоставления наблюдаемой последовательности сообщений с образцами, которые, как ожидается, будут происходить так, как определено эпизодами» [28, р. 84]. Этот подход согласуется с исследованиями Ромметвейта и Шэнка, где последний объяснял способность коммуникаторов интерполировать пропущенные значения, утверждая, что оба собеседника знают структуру эпизода и всё, что им нужно, чтобы представить его когнитивно, – это некоторый конкретный контент и информация в определенных точках сценария, которые будут направлять его одним или другим способом: «Сценарий – это грандиозная цепочка концептуализаций, которые, как известно, происходили в таком порядке много раз прежде... сценарий способствует установлению ожиданий относительно событий, которые могут последовать в данной ситуации» [27, р. 181].

Обращаясь к своей метафоре «произвольной/ненаправленной пьесы», Пирс и Кроулен делают вывод, что в данном случае репертуар эпизодов, известных конкретному коммуникатору, аналогичен фрагментам сценариев, известных «актерам» этой пьесы: «В той степени, в которой наблюдатель может знать, какие эпизоды известны различным субъектам в группе и в какой степени они связаны с этими эпизодами, он/она обладает определенным количеством описательной и предсказательной силы» [5, р. 136].

² Субанон – группа филиппинских племён, которые населяют районы Южной Замбоанги, Северной Замбоанги и горные районы Западного Мисамиса на острове Минданао. Субанон означает «житель реки». В настоящее время субанон были вытеснены в горную местность мусульманскими народностями.

Уровень 5. Жизненные сценарии

Сам термин «жизненный сценарий» был заимствован исследователями из анализа транзакций благодаря тому, что он семантически совместим с «драматической» метафорой «произвольной/ненаправленной пьесы», представляющей процесс коммуникации как последовательность «сцен» с релевантным содержанием и структурой, в которых акторы определенным образом взаимодействуют друг с другом.

На этом уровне жизненные сценарии отражают тот репертуар эпизодов, которые индивид воспринимает как связанное с ним множество интерактивных ситуаций и отличающихся внутренним согласием: «это я» или «это то, что я хотел бы сделать» [5].

Уровень 6. Архетипы

Архетипы находятся на самом высоком уровне иерархии. Все уровни смыслов, рассмотренные выше, представляют собой способ выделения сенсорных входов событий и сущностей опыта. Пирс и Кронен утверждают, что такое выделение или толкование не имеет отношения к критерию истины, но зато они неприхотливы в использовании. Существует фундаментальная логика, которая используется для формирования опыта, и на самых абстрактных уровнях она включает архетипы, которые могут принимать разные формы.

Вместо того чтобы пытаться описать или определить архетипы, исследователи отмечают, что на этом уровне, по-видимому, есть то, что не только направляет людей на выделение опыта, но и, помимо разнообразия культуры, ситуации и личности, достаточно распространено, чтобы сделать это выделение доступным. Пирс и Кронен обсуждают здесь три основных тезиса: «Смыслы наложены на поток опыта, а не получены из него; они требуют соответствующих рамок, чтобы их можно было достаточно хорошо понимать и происходила скоординированная коммуникация; ее нелегко пронаблюдать даже сквозь века и культуры» [5, p. 138]. На вопрос «Как же тогда люди создают аналогичный опыт?» здесь предлагается такой ответ: люди имеют одинаковую физиологию и живут в мире, имеющем неизменные физические свойства. Периодический повтор констант человеческого опыта (рождение, созревание, смерть, радость и агония, надежда и отчаяние) в сочетании с перцептивной и неврологической структурой, которая относительно не дифференцирована в контексте аналогичной среды, создают достаточно целостное впечатление, что привело к разработке аналогичных паттернов контекстуализации.

Как описывал Дж. Кэмпбелл, пройдя полный круг, от рождения до смерти, человек замечает: «Его неоднозначное, загадочное вторжение в мир твердой материи вскоре тает, как сон и, оглядываясь назад, мы видим то, что обещало стать нашим собственным уникальным, непредсказуемым и опасным приключением, и все, что мы в итоге находим, — это серия стандартных метаморфоз, которые претерпели мужчины и женщины в каждой части мира за все известные века и в цивилизации под любым названием» [29, p. 12–13].

Вывод

Уровни смысла в модели иерархии служат эвристическим средством, акцентирующим внимание на формах взаимодействий социальных субъектов с точки зрения теории коммуникации, и являются попыткой интегрировать несколько существующих исследовательских направлений, описывающих значения на разных уровнях абстракции. Ее авторы представляют связи между основными понятиями внутри и между уровнями в виде определенных правил (конститутивные и регулирующие), под которыми они понимают описание того, как индивиды обрабатывают полученную информацию, что выводит на

следующий этап конкретизации понятий теории координированного управления смыслом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ионова О.Е. Конструирование социальной реальности в теории координированного управления смыслообразованием // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – № 4. – С. 130–135.
2. Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Россия реформирующаяся. – 2001. – № 1. – С. 222–240.
3. Адамьянц Т.З. Коммуникационные механизмы современных смысловых противостояний // Социологические исследования. – 2019. – № 3. – С. 98–105. DOI: 10.31857/S013216250004282-3.
4. Андриянова Т.В. Теория коммуникации как когерентная область на рубеже XX–XXI веков в контексте управленческого воздействия // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2021. – № 2 (41). – С. 1–13. URL: <https://jwtsu/journal/article/view/1113> (дата обращения 18.01.2022). DOI 10.18799/26584956/2021/2(41)/1113.
5. Pearce W.B., Cronen V. Communication, action, and meaning: the creation of social realities. – N.Y.: Praeger, 1980. – 337 p.
6. Rhineland P.H. Is man incomprehensible to man? – Stanford, Calif. Stanford Alumni Association, 1973. – 114 p.
7. Calder N. The Human Conspiracy. – N.Y.: Viking, 1976. – 141 p.
8. Koch S. Psychology and emerging conceptions of knowledge as unitary // Behaviorism and Phenomenology / Ed. by T.W. Wann. – Chicago: University of Chicago Press, 1964. – P. 1–41.
9. Grene M. The anatomy of knowledge. – UK: Routledge, 2015. – 382 p.
10. Smith T.L. Behavior and its causes: philosophical foundations of operant psychology. – Dordrecht: Springer Science & Business Media, 2013. – 267 p.
11. Orne M.T. The social psychology of the psychology experiment // American Psychologist. – 1982. – № 17. – P. 776–783.
12. Wright J.D. Consistency and complexity of response sequences as a function of schedules of noncontingent reward // Journal of Experimental Psychology. – 1962. – № 63. – P. 601–609.
13. Dulany D.E. Awareness, rules, and propositional control: a confrontation with SR behavior theory / Verbal Behavior and General Behavior Theory / Eds. T. Dixon, D. Horton. – Hoboken: Prentice-Hall, 1968. – P. 340–387.
14. Greenspoon J. The reinforcing effect of two spoken sounds on the frequency of two responses // The American Journal of Psychology. – 1955. – № 68. – P. 409–416.
15. Koestler A. Janus: a summing up. – N.Y.: Random House, 1978. – 354 p.
16. Farb P. Man's rise to civilization: the cultural ascent of the Indians of North America. – N.Y.: Bantam, 1978. – 314 p.
17. Powers W.T. Behavior: the control of perception. – Chicago: Aldine, 1973. – 296 p.
18. Cronen V.E., Pearce W.B., Harris L.M. The Logic of the coordinated management of meaning: a substantive approach to communication education // Communication Education. – 1979. – № 28. – P. 22–38.
19. Berne E. Games people play. – N.Y.: Grove Press, 1964. – 192 p.
20. Keesing R.M. Formalization and the construction ethnographies // Explorations in Mathematical Anthropology / Ed. by P. Kay. – Cambridge: MIT Press, 1971. – P. 36–49.
21. Austin J.L. How to do things with words. – N.Y.: Oxford University Press, 1962. – 184 p.
22. Gumperz J.J. Introduction // Directions in sociolinguistics: the ethnography of communication / Eds. J.J. Gumpers, D.H. Hymes. – N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1972. – P. 1–25.
23. Cohen M. Novel approaches to anthropology: contributions to literary anthropology. – Lexington: Books, 2013. – 258 p.
24. Frake Ch.O. A structural description of Subanon religious behavior // Explorations in Cultural Anthropology / Ed. by H.W. Goodenough. – N.Y.: McGraw-Hill, 1964. – 635 p.
25. Argyle M. Personality and social behavior // Personality / Ed. by R. Harre. – Totowa, N.J.: Rowntan and Littlefield, 1976. – P. 145–188.
26. Bellack A.S., Hersen M. Research and practice in social skills training. – Dordrecht: Springer Science & Business Media, 2013. – 358 p.
27. Shank R. The role of memory in language processing // The Structure of Human Memory / Ed. by C.N. Cofer. – San Francisco: W.H. Freeman, 1975. – P. 162–189.
28. Pearce W.B., Conklin F. A model of hierarchical meanings in coherent conversation and a study of indirect responses // Communication Monographs. – 1979. – № 46. – P. 75–87.

29. Campbell J. The flight of the wild gander: explorations in the mythological dimension. – N.Y.: Viking, 1969. – 192 p.

Поступила 20.01.2022 г.

UDC 316.6:316.77:003:124.2

ORGANIZATION OF MEANING IN THE CONTEXT OF COMMUNICATION AS A FORM OF INTERACTION OF SOCIAL SUBJECTS

Tatiana V. Andriyanova,
andriyanova.tv@gmail.com

Kursk State University,
29, Radishchev street, Kursk, 305004, Russia

Tatiana V. Andriyanova, Cand. Sc., associate professor, Kursk State University.

The relevance is determined by the possibility of developing basic approaches to the use of the meaning organization model of within the framework of the theory of coordinated management of meaning, considering communication as a form of interaction of social subjects. **The object** of the study is the meaning organization model by W. Pierce and E. Kronen. **The subject** is the organization of meaning in the context of communication as a form of interaction of social subjects. **The purpose** of the work is to present the basic categorical apparatus of the theory of coordinated management of meaning in foreign and domestic sources in general and the concept of «organization of meaning», in particular; to identify the prerequisites for building a hierarchical of the meaning organization model; to correlate its main levels with the forms of interaction of social subjects. **The methodology** is based on the communicative approach of W. Pearce and V. Cronen and other American authors, as well as on the semiosociopsiology of T.M. Dridze. **Conclusions.** The levels of meaning in the hierarchy model serve as a heuristic tool that focuses on the forms of interactions of social subjects from the point of view of communication theory and they are the attempt to integrate several existing research areas describing meanings at different levels of abstraction.

Key words: Theory of meaning coordinated management, meaning organization, communication, interaction of social subjects.

REFERENCES

1. Ionova O.E. Konstruirovaniye sotsialnoy realnosti v teorii koordinirovannogo upravleniya smysloobrazovaniem [Construction of social reality in the theory of coordinated management of meaning formation]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2010, no. 4, pp. 130–135.
2. Dridze T.M. Dve novye paradigmy dlya sotsialnogo poznaniya i sotsialnoy praktiki [Two new paradigms for social cognition and social practice]. *Rossiya reformiruyushchayasya*, 2001, no. 1, pp. 222–240.
3. Adamyants T.Z. Kommunikatsionnye mekhanizmy sovremennykh smyslovykh protivostoyaniy [Communication mechanisms of modern semantic confrontations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019, no. 3, pp. 98–105. DOI: 10.31857/S013216250004282-3.
4. Andriyanova T.V. Communication theory as a coherent field in the context of managerial influence at the turn of the XX–XXI centuries. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2021, no. 2 (41), pp. 1–13. In Rus. Available at: <https://jwt.su/journal/article/view/1113> (accessed 18 January 2022). DOI: 10.18799/26584956/2021/2(41)/1113.
5. Pearce W.B., Cronen V. *Communication, action, and meaning: the creation of social realities*. N.Y., Praeger, 1980. 337 p.
6. Rhineland P.H. *Is man incomprehensible to man?* Stanford, Calif. Stanford Alumni Association, 1973. 114 p.
7. Calder N. *The human conspiracy*. N.Y., Viking, 1976. 141 p.
8. Koch S. Psychology and emerging conceptions of knowledge as unitary. *Behaviorism and Phenomenology*. Ed. by T.W. Wann. Chicago, University of Chicago Press, 1964. pp. 1–41.
9. Grene M. *The anatomy of knowledge*. UK, Routledge, 2015. 382 p.
10. Smith T.L. *Behavior and its causes: philosophical foundations of operant psychology*. Dordrecht, Springer Science & Business Media, 2013. 267 p.

11. Orne M.T. The social psychology of the psychology experiment. *American Psychologist*, 1982, no. 17, pp. 776–783.
12. Wright J.D. Consistency and complexity of response sequences as a function of schedules of noncontingent reward. *Journal of Experimental Psychology*, 1962, no. 63, pp. 601–609.
13. Dulany D.E. Awareness, rules, and propositional control: a confrontation with SR behavior theory. *Verbal Behavior and General Behavior Theory*. Eds. T. Dixon, D. Horton. Hoboken, Prentice-Hall, 1968. pp. 340–387.
14. Greenspoon J. The reinforcing effect of two spoken sounds on the frequency of two responses. *The American Journal of Psychology*, 1955, no. 68, pp. 409–416.
15. Koestler A. *Janus: a summing up*. N.Y., Random House, 1978. 354 p.
16. Farb P. *Man's rise to civilization: the cultural ascent of the Indians of North America*. N.Y., Bantam, 1978. 314 p.
17. Powers W.T. *Behavior: the control of perception*. Chicago, Aldine, 1973. 296 p.
18. Cronen V.E., Pearce W.B., Harris L.M. The logic of the coordinated management of meaning: a substantive approach to communication education. *Communication Education*, 1979, no. 28, pp. 22–38.
19. Berne E. *Games people play*. N.Y., Grove Press, 1964. 192 p.
20. Keesing R.M. Formalization and the construction ethnographies. *Explorations in Mathematical Anthropology*. Ed. by P. Kay. Cambridge, MIT Press, 1971. pp. 36–49.
21. Austin J.L. *How to do things with words*. N.Y., Oxford University Press, 1962. 184 p.
22. Gumperz J.J. Introduction. *Directions in Sociolinguistics: the ethnography of communication*. Eds. J.J. Gumpers, D.H. Hymes. N.Y., Holt, Rinehart and Winston, 1972. pp. 1–25.
23. Cohen M. *Novel approaches to anthropology: contributions to literary anthropology*. Lexington, Books, 2013. 258 p.
24. Frake Ch.O. A structural description of Subanun religious behavior. *Explorations in Cultural Anthropology*. Ed. by H.W. Goodenough. N.Y., McGraw-Hill, 1964. 635 p.
25. Argyle M. Personality and social behavior. *Personality*. Ed. by R. Harre. Totowa, N.J., Rowntan and Littlefield, 1976. pp. 145–188.
26. Bellack A.S., Hersen M. *Research and practice in social skills training*. Dordrecht, Springer Science & Business Media, 2013. 358 p.
27. Shank R. The role of memory in language processing. *The Structure of Human Memory*. Ed. by C.N. Cofer. San Francisco, W.H. Freeman, 1975. pp. 162–189.
28. Pearce W.B., Conklin F. A model of hierarchical meanings in coherent conversation and a study of indirect responses. *Communication Monographs*, 1979, no. 46, pp. 75–87.
29. Campbell J. *The flight of the wild gander: explorations in the mythological dimension*. N.Y., Viking, 1969. 192 p.

Received: 20 January 2022.